

А. М. Ранчин

Толстовский след в «Даре» Набокова:

ЕЩЕ РАЗ ОБ ЭПИГРАФЕ К РОМАНУ

DOI: 10.53953/08696365_2025_192_2_446

В опубликованной несколько лет назад содержательной статье об эпитафии к набоковскому роману Е.И. Ляпушкина заметила: «Утверждение “смерть неизбежна”, завершающее эпитафию, оказывается совершенно необходимым для того, чтобы роману было что оспаривать, чтобы он мог не просто провозгласить победу искусства над смертью, но действительно осуществить эту победу на глазах у читателя, показав, как работает тот единственный способ не дать ничему умереть, который прозревает Федор Константинович»¹. Она продолжила и развила наблюдения С.С. Давыдова и А.А. Долинина² по поводу финальных строк «Дара», соотнеся заканчивающие роман стихи с высказыванием «Смерть неизбежна», завершающим эпитафию: «Тема конца, изживания жизни, ее завершения открыто звучит в заключительных строках “Дара”, написанных онегинской строфой. Стихотворный финал романа начинается с прощания: “Прощай же, книга! Для видений — отсрочки смертной тоже нет” <...>. Эти строки вторят истине эпитафии: смерть неизбежна — в том числе для книги, для ее образов, для “видений”. Однако дальнейшее развитие темы опровергает это решение: “И все же слух не может сразу расстаться с музыкой, рассказать да замереть... судьба сама еще звенит, — и для ума внимательного нет границы — там, где поставил точку я: продленный призрак бытия синее за чертой страницы, как завтрашние облака, — и не кончается строка”. Финал книги — это ответная реплика на заключительный фрагмент эпитафии»³.

Все это совершенно справедливо. Онегинская строфа в финале глубоко не случайна: автор «Дара» сложным образом варьирует мотивы заключительных строк пушкинского шедевра⁴. Но ни Е.И. Ляпушкина, ни другие исследователи, насколько мне известно, не обнаружили в эпитафии скрытой, хотя и несомненной аллюзии⁵ на повесть Л.Н. Толстого «Смерть Ивана Ильича». Поскольку в плане выражения

-
- 1 Ляпушкина Е.И. «Карусель истины» (Смысл эпитафии в романе В.В. Набокова «Дар» // Русская литература. 2020. № 1. С. 210.
 - 2 См.: Давыдов С. «Тексты-матрешки» Владимира Набокова. [1982.] СПб.: Кирицели, 2004. С. 135; Долинин А. Истинная жизнь писателя Сирина // Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода: В 5 т. / Сост. Н.И. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 1999. Т. 4. С. 41–43.
 - 3 Ляпушкина Е.И. Указ. соч. С. 209.
 - 4 См. об этом: Долинин А. Указ. соч. С. 42–43.
 - 5 В понимании природы аллюзии и ее отличия от цитаты я следую за Н.А. Фатеевой; ср.: «Аллюзия — заимствование определенных элементов претекста, по которым происходит их узнавание в тексте-реципиенте, где и происходит их предикация»; «От цитаты аллюзию отличает то, что заимствование элементов происходит выборочно, а целое высказывание или строка текста-донора, соотносимые с новым текстом, присутствуют в последнем как бы “за текстом” — только имплицитно» (Фатеева Н.А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. С. 128–129).

совпадений между двумя произведениями нет, прямого заимствования Набоковым означающих из толстовского текста практически не происходит, можно назвать эту отсылку криптоаллюзией. Она становится явной при соотнесении высказывания «Смерть неизбежна» с одним из фрагментов первой главы и как раз с концовкой набоковского романа.

Эпиграф с атрибуцией «*П. Смирновский. Учебник русской грамматики*»⁶ «точно воспроизводит полный текст упражнения для разбора из гимназического «Учебника русской грамматики» (Изд. 17-е. М., 1903. С. 78) Петра Владимировича Смирновского (1846—1904)»⁷ и перекликается с пассажем из шестой главы повести Толстого: «Иван Ильич видел, что он умирает, и был в постоянном отчаянии.

В глубине души Иван Ильич знал, что он умирает, но он не только не привык к этому, по просто не понимал, никак не мог понять этого.

Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему»⁸.

«Логика Кизеветера» — это, как и грамматика Смирновского, — учебник: «Иоганн Готфрид Кизеветтер (1766—1819) — немецкий философ, последователь и пропагандист Канта, автор многих работ, в том числе учебника по логике, который был переведен на русский язык. В нем как пример приводился такой силлогизм: “Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен”»⁹. При этом и цитируемый пример из учебника Кизеветтера, и последняя фраза-пример из книги Смирновского говорят о смерти. Наконец, эпиграф и реминисценция из Кизеветтера похожи структурно. И у Толстого, и у Набокова это серия предложений, где предикаты выражены составными именными сказуемыми с опущенной связкой-копулой *есть*, причем почти во всех случаях у Толстого именная часть предиката выражены существительными, а у Набокова — во всех, кроме примера «Смерть неизбежна», где именная часть предиката представлена кратким прилагательным¹⁰.

Но этим сходство двух произведений не ограничивается. За всплывшим в сознании умирающего Ивана Ильича примером из учебника логики следует воспоминание из детства о кожаном мячике: «То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо; он был Ваня с мама, с папа, с Митей и Володей, с игрушками, кучером, с няней, потом с Катенькой, со всеми радостями, горестями, восторгами детства, юности, молодости. Разве для Кая был тот запах кожаного полосками мячика, который так любил Ваня?»¹¹ А почти в самом начале «Дара», не на большом расстоянии от эпиграфа, приводится стихотворение, приписанное главному герою Федору Годунову-Чердынцеву:

Мяч закатился мой под нянин
комод, и на полу свеча
тьень за концы берет и тянет
туда, сюда, — но нет мяча.

6 Набоков В.В. Собрание сочинений русского периода. Т. 4. С. 191. Далее при цитировании романа страницы этого издания указываются в тексте моей заметки.

7 Долинин А.А. Примечания // Там же. С. 639.

8 Толстой Л.Н. Собрание сочинений: В 22 т. М.: Художественная литература, 1982. Т. 12. С. 86.

9 Линков В. Комментарии // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. Т. 12. С. 463.

10 Ср.: «Дуб — дерево. Роза — цветок. Олень — животное. Воробей — птица. Россия — наше отечество. Смерть неизбежна» (с. 191).

11 Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 86.

Потом там кочерга кривая
гуляет и грохочет зря —
и пуговицу выбивает,
а погода полсухаря.
Но вот выскакивает сам он
в трепещущую темноту, —
через всю комнату, и прямо
под неприступную тахту.

(С. 197—198)

Похожесть двух детских воспоминаний несомненна¹². В свете параллели со «Смертью Ивана Ильича» «трепещущая темнота» неожиданно начинает восприниматься как метафора небытия.

Фрагмент из «Смерти Ивана Ильича» словно разделен в «Даре» на две части: на пример из учебника логики и на воспоминание о мячике и таким образом спрятан в тексте романа. Набоков, как известно, любил шахматные задачи и подарил эту любовь нескольким героям, в том числе и Федору Годунову-Чердынцеву. Но в «Даре» для пытливого читателя предложена задача иного рода. По обломкам или отражениям толстовского фрагмента — *учебнику, мячику*, суждению «Смерть неизбежна» как инварианту двух посылок и следствия из силлогизма о Кае и как смысловому инварианту толстовской повести — он должен отыскать или реконструировать то, что спрятал автор. Вспоминается иной фрагмент — из набоковских мемуаров «Другие берега»: «...загадочные картинки, где все нарочито спутано (“Найдите, что спрятал матрос”)¹³».

И наконец, концовки. Повесть Толстого заканчивается уходом героя из жизни, являющимся для окружающих абсолютным концом, переходом в не-существование, в то время как для самого Ивана Ильича это вступление в новое бытие, начало новой жизни: «Для него все это произошло в одно мгновение, и значение этого мгновения уже не изменялось. Для присутствующих же агония его продолжалась еще два часа. В груди его клокотало что-то; изможденное тело его вздрагивало. Потом реже и реже стало клокотанье и хрипенье.

— Кончено! — сказал кто-то над ним.

Он услышал эти слова и повторил их в своей душе. “Кончена смерть, — сказал он себе. — Ее нет больше”.

Он втянул в себя воздух, остановился на половине вдоха, потянулся и умер»¹⁴.

В финале «Дара», как уже было сказано, тоже преодолевается смерть¹⁵. Но преодолевается метафорически. И еще одно важное различие. Толстой преодолевает, «отменяет» смерть этически. Набоков — эстетически, через творчество: «и не кончается строка», *vita brevis, ars longa*.

12 В стихотворении Федора можно при желании найти переклички и с другими произведениями Толстого, впрочем необязательные. Так, «няня» напоминает о няне Наталье Савишне из «Детства».

13 *Набоков В.В.* Собрание сочинений русского периода / Сост. Н. Артеменко-Толстой. СПб.: Симпозиум, 2008. Т. 5. С. 335.

14 *Толстой Л.Н.* Указ. соч. С. 107.

15 Ср. в этой связи о мотивах и знаках инобытия в «Даре»: *Александров В.Е.* Набоков и потусторонность: метафизика, этика, эстетика / Пер. с англ. Н.А. Анастасьева. СПб.: Алетейя, 1999. С. 132—165.